

Moora, Harri

Клад V века, найденный в Реола влиз гор. Тарту

Światowit 24, 343-351

1962

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ХАРРИ МООРА

КЛАД V ВЕКА, НАЙДЕННЫЙ В РЕОЛА БЛИЗ ГОР. ТАРТУ

Летом 1954 года в Реола, примерно в 7 км к юго-юго-востоку от города Тарту, был найден комплекс бронзовых предметов, относящихся к V веку н.э. Первая половина I тысячелетия представлена в Эстонии исключительно богатым археологическим материалом. Но этот материал получен почти целиком из могильников коллективного характера, где лишь в исключительно редких случаях удастся выделить инвентарь отдельного погребения. Пока известны лишь единичные клады, относящиеся к данному периоду. В музейных коллекциях имеются три клада, обнаруженные в северо-восточной части Эстонии. Они датируются III–V веками¹. В южной же Эстонии данный комплекс является по существу первой дошедшей до нас находкой подобного рода. Есть, правда, данные о том, что у озера Вагула, близ города Выру, был найден в начале нашего века будто бы большой комплекс бронзовых вещей; но из этих вещей сохранились лишь два предмета: пряжка, украшенная цветной эмалью, датируемая V веком, и плоская дужка неизвестного назначения². Условия находки названных вещей остаются неясными, и поэтому нельзя с уверенностью сказать, входили-ли они в клад или — это представляется даже более вероятным, так как их было большое количество, — составляли погребальный инвентарь коллективного каменного могильника.

Описываемые ниже предметы были обнаружены при выемке торфа в болоте Реола (рис. 1). Болото занимает пойму долины реки Консу, южного притока реки Эмайыги, впадающей в озеро Пейпси (Чудское). Заторфовывание поймы рек Эмайыги и Консу началось очень рано, уже в бореальный период, когда лесная растительность характеризовалась преобладанием сосны и березы, при отсутствии ели. В связи с постепенным повышением уровня воды в озере Пейпси и названных реках, а тем самым и повышением уровня

¹М. Х. Шмидехельм, *Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии* (V в. до н.э. — V в. н.э.). Таллин 1955, стр. 161 и след. (клады из Мустамятта и Лиймала). Н. Моора, *Der Verwahrfund von Piilsii, Kirchspiel Avinurme. Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat — Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft* 1933, Tartu 1935. стр. 283 и след.

² Н. Моора, указ. соч., рис. 6 : 4. и 11.

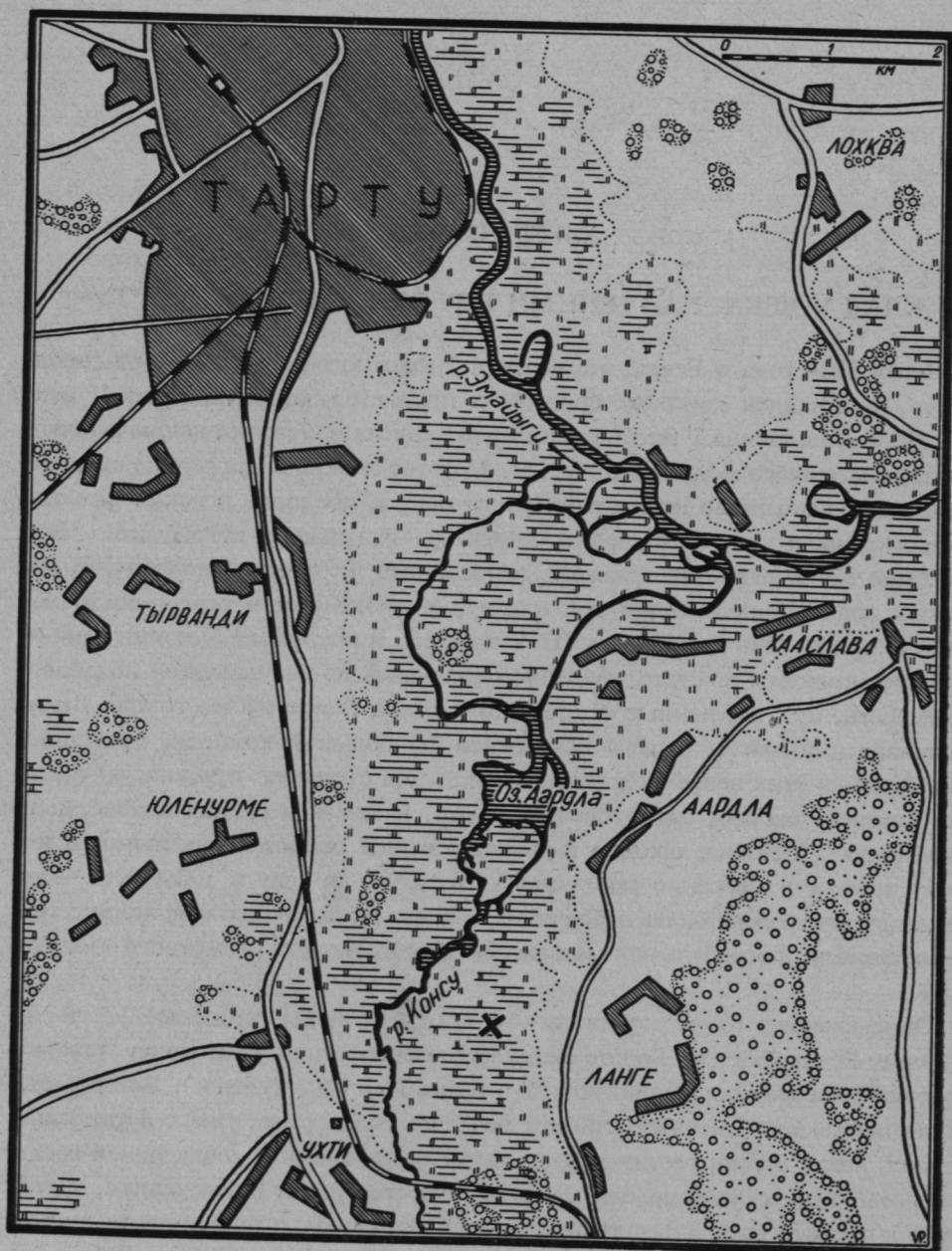

Рис. 1. Место находки клада (х).

грунтовых вод в их долинах, торфообразование продолжалось и позже, вплоть до современности. Как полагает академик АН Эстонской ССР К. Орвику, консультировавший автора по вопросам геологии, связанных с дан-

ной находкой, болото Реола в период, когда рассматриваемые вещи были зарыты, должно было носить, в общем, тот же характер, что и в наши дни, т.е. оно представляло собой относительно сухое болото низинного типа.

По словам рабочего В. Михельсона, нашедшего вещи, в толще торфа на месте находки прослеживались два слоя; верхний, достигавший глубины 1 м, состоял из торфа темного цвета, тогда как ниже залегал торф коричневого цвета. На границе этих двух слоев и были обнаружены описываемые вещи. Значительная часть их была, по словам Михельсона, разом выброшена лопатой, остальные были найдены им в том же месте. Вещи находились в торфе, повидимому, в более или менее скученном виде. Помимо металлических предметов Михельсон нашел тут же сравнительно большой обломок глиняного сосуда и кость со следами обработки. Обломок сосуда и эту кость он, однако, выбросил и не доставил в музей. Представляется вероятным, что вещи были в свое время положены в горшок, обломок которого и был найден Михельсоном (более мелкие черепки остались им, повидимому, незамеченными). Что касается кости, то и она, возможно, относилась к данному комплексу, хотя, по сообщению Михельсона, он в ходе выемки торфа нередко находил отдельные кости животных, которые не были связаны с описываемым комплексом.

Место находки было обследовано, к сожалению, не непосредственно после обнаружения названных предметов, а только три года спустя. Обследование производилось с участием В. Михельсона. Несмотря на то, что карьер, в котором он работал в 1954 году, успел к этому времени уже зарости, В. Михельсон все же смог более или менее точно указать место, где им были найдены вещи. Заложенный вблизи этого места в ненарушенной части торфяника шурф подтвердил сообщения Михельсона о характере и мощности указанных им слоев торфа. Сверху, до глубины 1 м, залегал сильно разложившийся низинный торф (темного цвета), ниже следовал тростниковый торф (коричневого цвета). Показанные Михельсоном глубина и условия залегания вещей можно, таким образом, считать достоверными.

Результаты пыльцевого анализа, произведенного сотрудницей кафедры геологии Тартуского Государственного университета А й н о С а р в на основании материала, взятого с места шурфовки, представлены в виде диаграммы (рис. 2). Из диаграммы видно, что горизонт глубиной в 1 м, где был обнаружен интересующий нас комплекс вещей, соответствует первой половине суббореального климатического периода (периода IV, по фон Посту), для лесов которого характерно уменьшение относительного количества широколиственных пород (или так наз. смешанного дубового леса), т.е. III-II тысячелетиям до н.э. Ввиду того, что найденные металлические вещи следует датировать значительно более поздним временем — серединой I тысячелетия н.э., — они должны были быть в свое время зарыты, а не просто положены на поверхность болота.

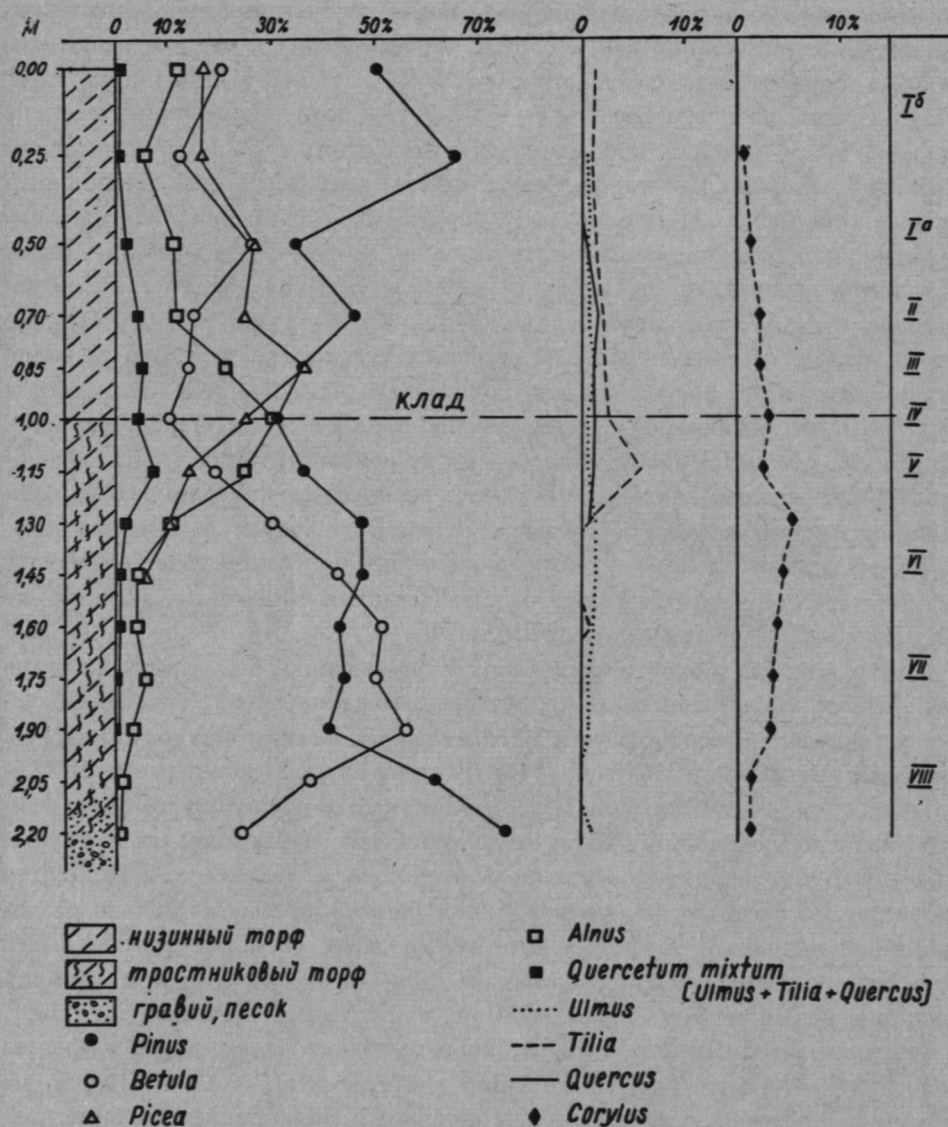

Рис. 2. Пыльцевая диаграмма. Составила А. Сарв.

Согласно устному сообщению академика К. Орвика, можно полагать, что в то время поверхность болота находилась примерно на несколько десятков сантиметров или, возможно, на полметра ниже современной. Рассматриваемые нами вещи были, следовательно, положены в вырытую яму глубиной приблизительно 50–70 см.

Судя по всем приведенным нами данным, вещи, найденные в Реола, представляют собой цельный комплекс—клад, который был в свое время

либо положен в качестве жертвенного дара, либо просто спрятан в яму, вырытую на поверхности болота. Нет, повидимому, никакого основания предполагать, что эти вещи попали в болото в разное время.

Из состава клада до нас дошли следующие 11 предметов:

Три перекладчатые фибулы (рис. 3 : 1-3). Все три экземпляра отличаются небольшими размерами и представляют последнюю ступень развития подобных фибул в Эстонии. Если у более ранних фибул головка заканчивается поперечной трубочкой, через которую проходит шарнирная ось, вокруг которой вращается булабочка, то у данных фибул эта трубочка заменена тоненькой палочкой, или валиком; за этим валиком в головке имеется отверстие, через которое пропускался загнутый в петлю конец булабочки. Таким образом, фибулы, найденные в Реола, относятся к позднейшим эстонским перекладчатым фибулам, которые отличаются крайне упрощенной конструкцией и, судя по небрежной обработке деталей, представляют собой продукт домашнего ремесла.

Перекладчатые фибулы обнаружены в большом количестве в каменных могильниках Эстонии и Северной Латвии, а также Финляндии. Они рассмотрены в работах А. Гакмана, М. Шмидехельм, автора настоящей статьи, К.Ф. Мейнандера и С. Лаул³. Среди этих фибул выделяются по своим особенностям несколько местных групп. Довольно маленькие, нередко небрежно выработанные фибулы, к которым относятся и описываемые три экземпляра, образуют особую, количественно большую группу, ареал распространения которой охватывает современную Южную Эстонию и северную часть Латвии. В этой группе перекладчатых фибул можно различить еще более ограниченную по своему распространению подгруппу, встречающуюся только в юго-восточных районах Эстонии. Не случайно, что наши фибулы, найденные как раз в названной части территории Эстонии, представляют именно эту подгруппу. Отличительной чертой данной подгруппы является наличие промежутка между поперечной трубочкой, или валиком головки, и ближайшей перекладиной, между тем как у большинства других фибул этого типа первая перекладина непосредственно примыкает к головной трубочке.

³ А. Hackman, *Baltische Sprossenfibeln aus Finnland*. Festschrift Adalbert Bezzenger zum 14. April 1921 dargebracht von seinen Freunden und Schülern. Göttingen 1921, стр. 68 и след. М. Schmiedehelm, *Beiträge zu der sogenannten gotischen Frage im Baltikum*. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1922. Dorpat 1923, стр. 92 и след. Н. Моора, *Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II. Teil*. Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused — Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft XXIX. Tartu 1938, стр. 85 и след. С. Ф. Мейнандер, *De österbottniska tvärsådspännena*. Finskt Museum 1949, Helsingfors 1950, стр. 5 и след. С. Лаул *Каменный могильник с оградками в ягунги Зльваского района „Древние могильники и клады“*. Таллин 1962, стр. 20 и след., 48,53 (на эстонском яз. резюме на русском и немецком яз).

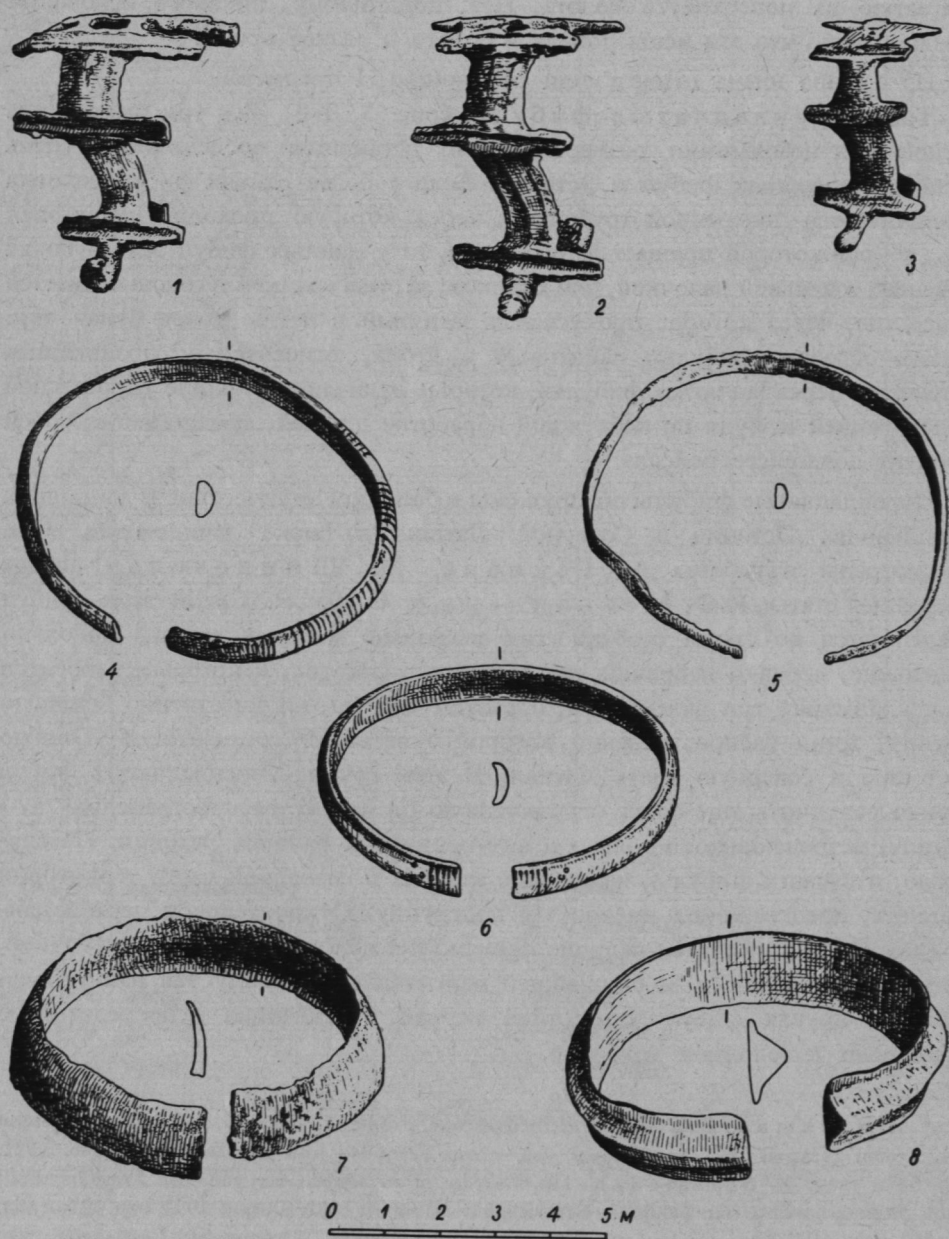

Рис. 3. Наиболее характерные бронзовые предметы, входящие в клад из Реола.
 1 — 3 — перекладчатые фибулы; 4,5 — браслеты сегментарного сечения; 6 — браслет выпукло-вогнуто
 го сечения; 7 — браслет с покатою поверхностью; 8 — массивный браслет трехгранного сечения.

По мнению всех авторов, изучавших перекладчатые фибулы, этот тип фибул бытовал в Восточной Прибалтике в III–IV вв. На основании того, что в Финляндии были найдены поздние перекладчатые фибулы вместе с разными предметами V века, высказывалось предположение, что данный тип фибул мог удержаться вплоть до середины I тысячелетия и в Прибалтике⁴. Найденный в Реола клад, который, несомненно, датируется V веком, подтверждает правильность этого взгляда.

Рассматриваемый клад включает далее 8 браслетов, из которых 7 представляют, как и фибулы, типы, характерные для материальной культуры каменных могильников, или, другими словами, прибалтийско-финских племен. Сюда относятся три узких браслета сегментарного сечения (из которых два воспроизведены на рис. 3 : 4, 5), два узких браслета выпукло-вогнутого сечения (один из них изображен на рис. 3 : 6) и два пластинчатых браслета с покатою наружной поверхностью (один из них изображен на рис. 3 : 7).

Узкие браслеты сегментарного сечения весьма просты. Один из них, самый узкий (рис. 3 : 5), не имеет никакой орнаментации. Такие браслеты встречались в Прибалтике уже в последних веках до н.э. Другой браслет этого типа (рис. 3 : 4) украшен насечкой, состоящей из групп параллельных штрихов; заштрихованные отрезки чередуются с гладкими. Подобные браслеты связаны по своему происхождению, вероятно, с латенскими браслетами, для которых характерно чередование профилированных и гладких (не профилированных) отрезков. Третий экземпляр браслетов сегментарного сечения (не воспроизводится на рисунке) имел орнаментацию, возможно, только на концах, состоявшую из группы параллельных поперечных штрихов, между которыми проходил и поперечный плоский желобок. Все эти разновидности браслетов сегментарного сечения были весьма обычны в Прибалтике, особенно в пределах распространения культуры каменных могильников, в III–IV веках, но продолжали бытовать и в V веке⁵.

Браслеты с выпукло-вогнутым сечением представляют, в общем, явление, параллельное браслетам сегментарного сечения. Однако бытовали они на более ограниченной территории. Если браслеты сегментарного сечения встречались в большей части Прибалтики, то браслеты с выпукло-вогнутым сечением обнаруживаются лишь на севере Прибалтики, в пределах культуры каменных могильников. В Реола были найдены два браслета с выпукло-вогнутым сечением, из которых один воспроизведен на рис. 3 : 6. Другой сохранился только в обломках; он немного шире первого и изготовлен

⁴ Н. Моога, *Die Eisenzeit in Lettland II*, стр. 93. С. F. Meinander, *En romersk bronsskål från Österbotten*. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja — Finska Fornminnesföreningens Tidskrift XLV, Helsinki 1945, стр. 134, 135. С. F. Meinander, *De österbottniska tvärsläpänenna*.

⁵ М. X. Шмидехельм, указ. соч., стр. 81, 98.

из тонкого бронзового листа; орнаментации он, повидимому, не имел. Датируются оба браслета тем же временем, что и браслеты с сегментарным сечением⁶.

Два браслета с покатою наружной поверхностью, из которых один изображен на рис. 3 : 7 (другой дошел до нас в изогнутом и поломанном состоянии), относятся также к наиболее характерным предметам украшения культуры каменных могильников. За пределами этой культуры они до сих пор не обнаруживались. Их носили по несколько экземпляров, так, что один браслет своим краем немного заходил под край следующего. Браслеты этого типа относятся к тому же времени, что и предыдущие⁷.

Наибольший интерес представляет последний, восьмой, браслет (рис. 3 : 8). Он отличается массивностью и имеет, в общем, трехгранное сечение. Тогда как все рассмотренные до сих пор браслеты относились к старым местным формам украшений, бытовавшим в Эстонии уже в III–IV вв., массивные трехгранные браслеты представляют новый тип, который стал появляться тут только в начале V века. Этот тип браслетов возник, вероятно, на территории современной Южной Латвии, в пределах древней земгальской культуры, и распространился вскоре на севере, в Северной Латвии и в Эстонии. Он обнаруживается нередко в комплексах, совместно с арбалетными фибулами и другими предметами, датируемыми V–VI веками⁸. Позднейшие браслеты этого типа отличаются обычно особой массивностью. Так как наш экземпляр представлял собой один из менее массивных вариантов браслетов данного типа, то его следует отнести, вероятно, к V веку. Наличие этого браслета в составе клада из Реола позволяет относить весь этот комплекс к V веку. Для датировки его более поздним временем, VI веком, нет, повидимому, основания.

Рассматриваемый клад интересен не только тем, что позволяет уточнить датировку ряда характерных для Прибалтики типов украшений, в частности перекладчатых фибул, но и тем, что проливает некоторый свет на процесс перехода от одного этапа развития древнего общества к другому. Этот клад относится к периоду, переломный характер которого уже давно отмечался археологами. В V веке в Эстонии сменяются новыми не только многие типы предметов украшения, орудий труда и оружия, — изменяется обряд погребения, происходит переход от коллективных могильников к захоронениям индивидуального характера, но появляются и укрепления нового типа. До недавнего времени, когда на основании зарубежных параллелей полагали, что старые типы фибул, шейных гривен, браслетов и дру-

⁶Ср. литературу, указанную в предыдущей сноске.

⁷Ср. литературу, указанную в сноске 5.

⁸*Moora Die Eisenzeit in Lettland II*, стр. 440 и след. М. Х. Ш м и д е х е л ь м, указ. соч., стр. 88.

гих предметов, характерных для первых веков нашей эры, бытовали только до IV века и что с V века их место заняли совершенно новые формы, между старыми и новыми типами получался известный разрыв. Клад, найденный в Реола, в состав которого наряду с типами, характерными для III-IV вв., входит по крайней мере один предмет, представляющий новые, появляющиеся с начала V века формы, может служить одним из доказательств того, что предполагаемого ранее разрыва не было и что старые типы на протяжении некоторого времени, именно в V веке, сосуществовали с новыми.

Рассмотренный небольшой клад не дает основания останавливаться подробнее на вопросе о причинах, вызвавших в V веке указанный перелом в развитии материальной культуры. Укажем лишь, что основной причиной этому было, очевидно, резкое усиление распада родового строя у древних прибалтийско-финских племен в середине I тысячелетия⁹.

⁹М. Х. Шмидехельм, указ. соч. стр 206 и след.